

«Л» — 13 буква

Бертран Рассел сообщает: «Египтяне сначала применяли чисто рисуночное письмо. Постепенно рисунки приобретали все более условный характер, стали изображать слоги (первые слоги названий изображаемых вещей) и, наконец, отдельные буквы по принципу: “Л” означало “Лучник”, который стрелял в лягушку*¹. Этот последний успех, которого добились в сколько-нибудь законченной форме отнюдь не египтяне, а финикийцы, означал создание алфавита со всеми его преимуществами. Греки, заимствовав у финикийцев это изобретение, изменили алфавит так, чтобы он мог обслуживать их язык. При этом они сделали важные нововведения, добавив гласные, тогда как финикийский алфавит состоял из знаков, обозначающих одни согласные. Не может быть сомнения, что приобретение этого удобного способа письма значительно ускорило процесс греческой цивилизации.

Гомер был первым выдающимся продуктом эллинской цивилизации.

В XIV веке до н.э. В письме к Эхнатону (“еретическому” фараону Египта) сирийцы пользовались все еще вавилонской клинописью, но Хирам Тыра (969–936 гг. до н.э.) уже употреблял[и]² финикийский алфавит, который, вероятно, развился из египетской письменности³.

Буква «L, л», совпадающая с лучником, стреляющим в лягушку, переносит нас приблизительно на 3 тысячи лет назад. С кого начнем? С мужа, как указано в архаическом действе? Или, в соответствии с нынешним нравом, пропустим вперед даму? *Lady first*. Леди — она и в Африке лада, всегда. «Лягушка, жаба — нечистое животное, родствен

---

* Несмотря на то, что в английском оригинале буква «Л» отсутствует, представляется допустимым (опираясь на словарь русского языка В.Даля, как будет показано ниже) говорить о тесной связи буквы «Л» в русском языке, понятия «лягушка» и существенного социокультурного процесса.

ное змее и др. «гадам»²⁴, составляющим в традиционной народной культуре особый класс хтонических животных (с. 130). Хтонические существа (от греческого *chthonos* — «земля») — мифологические персонажи и животные, связанные одновременно с производительной силой земли (воды) и умерщвляющей потенцией преисподней» (с. 388–389).

Произношение ключевого греческого слова по-русски как «хтонос» содержит в себе неопределенность между «кто-» и «что-», на оси содержится, соединяется (и/или её сама и составляет?). Преодоление сей, неистребимой в любой стихии, «неопрятности земли» (Гете) утверждением непереворачиваемой вертикали между верхом — и только верхом — «кто» и низом, и только низом, — «что» есть след «критического» преобразования исконного «хто», нагнетание в нем вместо хаотичной смеси «перевертышей» сугубо отрицательных качеств и свойств, от которых нужно беречься, отталкиваясь изо всех сил, устремляясь к чистоте и высоте «ктойности». Этот процесс фиксирует отделение «земли» от «воды», которая питала — увлажняла «сушь» первой, очищала грязь и пыль «что-» от «кто-». Конечно, и «вода» — не подарок всегда и во всем, может восстать всемирным потоком, цунами. Тысячеголовая гидра опасна, смертельна. Но все же в «хтоносе» земля и гидра находились в синкретическом, хаосо-космическом смесительном единстве жизни — рождений, смерти, борений исконного существования. Поэтому вне ретроспекций с высот вертикали, исправляя её более равновесным пониманием, первоначально точнее бы определять как синкретизм воды и земли, как гидро-хтонос. Потенция преисподней и после утверждения вертикали не совершенно мертва, спит, сохраняя свою порождающую силу. Устойчивая интенция абсолюта (олицетворенного) свойственна христианству, решительно настроенного в теологии на изгнание всех суеверий и ересей.

Устойчивое, достаточно выдержанное деление на стороны, в одной из которых преобладают плюсы, а в другой — минусы, представляет собой результат рационализации гидро-хаотической смеси, неопределенной однозначно по месту, времени, обстоятельствам, не взвешенной раз и навсегда в чистоте и нечистоте взаимопревращающихся чад = дач своих (себе же? другим?). Можно ли ставить «точку», исповедовать «паузы», «пробелы» при описании таких предметов?

«В славянской традиции к хтоническим существам относились, прежде всего, гады, в число которых включались и животные, связанные со смертью и потусторонним миром, в том числе ворон, волк и др. К хтоническим существам принадлежал, согласно реконструируемым славянским мифам, змеевидный противник громовержца — Велес, Волос. Двойственной природой в славянской традиции выделялись многие домашние животные — козел, конь и др.: их ритуализованная смерть (жертвоприношение) должна была способствовать

плодородию земли и т.п.» (с. 389). Жертвоприношение домашних животных очень похоже на плату их лесному хозяину (В(е)лесу — Волосатому?) за их проживание на новом месте, непосредственно вне воли владыки, но не вопреки, не враждебно ей — свидетельством подтверждением прежней связи, происхождением-заимствованием богатства и является жертвоприношение.

«Гады — нечистые животные, выделяемые в особый класс хтонических животных. В традиционной народной культуре к гадам относятся в основном пресмыкающиеся (прежде всего змеи) и земноводные (лягушки, черепахи и др.), но также насекомые, мыши и змееподобные рыбы (вьюн, угорь), черви, гусеницы. Близки к ним и некоторые птицы. Для наименования животных этого класса используются слова «гады», «шур», «погань», «нечисть» и др. В различных славянских языках для многих животных этого круга используются слова с корнем шур- («яшур», «шурка», «шур», «шурик», «шурец» и т.п.)» (с. 130).

Не означает ли это в контексте звуко-чуйности, что о присутствии поблизости «гада» сообщает особый звук, шуршание, а для узрения его требуется усиленное взглядывание, прищур глаз? «У всех славян слова «гад», «гадина», встречаются в обозначении змеи» (с. 130). Облик змеи, ее передвижение похоже на тело-руку, урщуще-шурщаще-рущающую-рыщающую в поисках пропитания, что закодировано в обратно (прямом) чтении корня «шур»-«рущ».

Достаточно прозрачно обозначено, какой людской пол кем был представлен во время оно: «Жаба, по поверьям, спаривается с ужом или считается его матерью...» (с. 130). «... уж «играет» с кукушкой; в легендах кукушка, ласточка и змея — три обращенные сестры Лазаря, кукушка — жена мужа-ужа, а соловей и лягушка — их дети и т.д.» (с. 130–131).

«Змея (уж) и ласка часто выступают в роли домового. Свойствами домашнего покровителя могут обладать также лягушка, крыса, кошка, червь, муравьи и тараканы» (с. 131).

«Прохождение знахарей связывают с расплзшимися кусками разрубленной змеи. Из крови Каина произошли змеи, волки, собаки, а так же ведьмы, вилы и некоторые др. демоны» (с. 131). «Разрубаение змеи на куски» так и подмывает «узаконить» определением (жребием? посыпанием пеплом?) групп внутри сообщества, которым предстоит заняться или охотой, или рыболовством, или собирательством, чтобы затем «возродиться из пепла», вновь соединиться у огня (змея-горинича) в единое целое — пирующую руку. Кстати, пир, по-гречески, огонь. А где трапеца, там и до свода свадеб недалеко, змей с-рядится в чересполосцу половых половин, спарит их, укусит собственный хвост. Не потому ли «ящерным» украинцы считают” хвост кота или верят, что в хвосте кота сидит гадюка» (с. 130)?

«Гадам присущ ряд общих признаков. Это в основном животные, связанные с подземным миром: они обитают в земле, а потому часто слепы, в норе, в подполе или под порогом дома, уходят на зимовье в землю и появляются из нее (змеи, червы, мыши, ласка, многие на-секомые, некоторые птицы)» (с. 131).

С землей связано их происхождение, владение кладами в ней, связь с душой предка-«пра-щура». Нечистые, в большинстве ядовитые, они связаны с различными обрядовыми способами их изгнания, многочисленными запретами и оберегами от них. Но и сами гады «имеют часто функции оберега и покровителя» (с. 131).

Змея — образ людских ж-желаний, длительности и трудностей (смена кож, разрубание единства на куски и восстановление целого) исполнения «всех» (главных) желаний всех разом по максимуму, что совпадает с концом-венцом цикла-годом. «О!» сказали мы. Быть гарным гадом на пиру всего мира, обрести на нем *не*-весту (или ужа-замуж *не*-верпеж) — мечта — чаяние, которую Людям готов и годен ип-*полн*-ять год за годом, раз за разом. Зараз(а) людская *под*-и *на*-Земна. Стать Цело-вечная иная: *над* и *на*-земная, не-бесовская, не-бес/на-Чистая. По мере развития социокультультурных возможностей, средств, условий и, наконец, необходимости _ неизбежности, быть не просто-людином, а цело-веком, гадство, змейство приобретают все более густой, плотный, все более однозначно негативный смысл. Но не следует забывать и то, что цело-вечное-идеал, идеальность коего *поту*стороння и чувствам, и рацио, что опора ее в *вере* в За-небесного Творца и Его Любви к грешникам, которые сами не в силах исправить падение свое, никак не могут (и не хотят) вернуться к первоистоку Совершенству по уже века и тысячелетия указанному пути Спасения.

Вернемся от гадов, от хтонических существ к лягушке, жабе. «Жабу в некоторых местах считают матерью ужа, верят, что она играет с ужом, как муж с женой, и спаривается с ним» (с. 250). Нельзя ли досемейный брак обозначить как групповое спаривание? Совершенного беспорядка, «хаоса» нет; хотя выбор широк, неустойчив в повторениях (*не*-веста), но и количественная образность отмечена («двойца» — принцип порождения, размножения, жена, отдельная от слияния с мужем-*мужчиной*, но забередевшая от него в с-*паривании* как особом вспарывании лона, осеменении ларца, сокрытости смеси, сил плодоношения жизни себе подобного в «буду еще» (будущем). Чрезмерное долгое неучастие в святослитии опасно. «Лягушка, семь лет не видевшая солнца, превращается в летающего змея», «у лягушки есть свой царь (с короной на голове)». В-лад-ыка — раз-*поряд*-и-тель самого важного? Спаривания в том числе? «Лягушка способна жи-

вить мертвого ужа» (как же без того, чтобы мертвого не поднять!), а «куски разрубленной ящерицы срстаются под воздействием жабьей мочи» (с. 250). Мочи нет «мощь» комментировать, как и ядовитость лягушек, более (гораздо более?) сильную, чем змеиную. Приползешь, гад, куда не денешься, хоть на склоне дней, хоть не Одиссей. Ибо «кусать человека им запрещено от сотворения мира. Они не способны поглощать змеиный яд» (в микро-долях он целее-бен) «и очищать отравленный змеей источник» (с. 250).

«Лягушке присуща женская символика. Из-за сходства лап лягушки с человеческими руками считают, что лягушка в прошлом была женщиной» (с. 250). Вспомни: шур-рущ, пра-шур в глубинах жижи времен неразличимых, но все волнующих(ся) в нас. Сан-след памяти(я), свят; sanct<o>. Увидев весной первую лягушку, называют её «панной». Существуют приметы, что в доме будет много лягушек, если первым посетителем на Рождество, Новый год, Пасху, Благовещение и другие большие праздники окажется женщина. По народным представлениям, лягушки — обращенные люди. Происхождение их, в частности, связывают с людьми, утонувшими во время всемирного потопа. Согласно другой легенде, войско фараона, преследовавшее евреев во время исхода из Египта и потопленное в водах Черного моря, превратилось в лягушек, которых вследствие этого называют «фараонами». Существует поверье, будто бы у самок лягушек длинные волосы и женская грудь, а у самцов борода. Придет время, когда они вновь станут людьми, а ныне живущие люди превратятся в лягушек. Поэтому бить лягушек грех (с. 250). Мир — круговорот, и наше коло рук и ног пре**образимых** друг друга существ и вмешиваться себялюбиво, своевольно одной из частей в ход общий, то быстро-лётный (летом), то замедленный, лениво-сонный (зимой) негоже. Общий Раз — Гад кольцами (сиклами-цыками) гóдиться-годётся, вьется, разбрасываясь кусками, ранами-увечьями и собирая сборы с бора «боровами», собирается вечером на стогне вечем.

«В лягушках часто видят душ умершего», запрет их убивать мотивируют смертью близких родственников (реже самого убившего), всяческими напастями: «рука отсохнет, будут болеть глаза, опухнешь, будет рвать выпитым молоком, не будет удаваться хлеб, будешь есть на «том свете» пирог с лягушками, другие лягушки покусают или задуют, убитая лягушка сама придет ночью и задушит, а у девушки отберет красоту» (с. 251).

Почему интересующее нас существо получило именно такое обозначение? В честь какую его так величают-именуют? Заглянем в словарь Владимира Даля. Привычное нам «лягушка» входит подразделом в отдельно выделенное слово «ляга» — том 2, с. 740–741.

«1. Ляга тул., ляжка, ляшка, лядвеза ж. верхняя половина ноги, нижней конечности, от таза до колена; стегно, бедра, бедро, бедренная кость со всеми мягкими частями, с ягодицею, окороком. Ляжка и бедро говорят о человеке; бедро о животном; стегно, -нышко, более о птицах. Две ляжке в пристяжке, сам в корню» (с. 740). Зацепиться на всякий случай (а «случай» точно «всяк-ий» — что произошло, происходит и произойдет — «вся»-случай, а коли (ни)сего нет, след., не случилось, случай не наследил, нечему (на)следовать. А все же вдруг, (в)незапно взойдет? Тогда случай, он часто зайцем прыг-скак)... так вот отметить, зарубить себе на носу (на оси запахов «за» ради пахахапа дара рождения) можно следующее. «Стегно» перекликаются со «стогнами», улицами — площадью града, бежать-лететь по ним легко «ляготче, лягоше-» (с. 741), как птице вить гнездо и виться вокруг него (стегно-бедро, бедрашко птицы). Не имеет ли отношение «ягодица» к тем ягодкам, кои воспоследуют после цветочков? Не есть ли архаичный «рок» о-кор-рок, он же год-гад? Догадка? Конечно, но частица от-гадки в верхней части нижней конечно-сти не исключена. Сила конечного существа в конечностях, в лапах, полных павшими в них в чаще «ягодками», сочащимися счастьем — чем чаще, тем полнее пало счастье. Лапа, палка, пало, пава... опала (не за-знавайся).

Наконец, очень сочно-зрело, зримо «врезана» парность ляжек, их разделенность и неразрывность в пристяжке, которая еще увечена стягом-корнем, обозначенным как «сам» (без увенчания увенчен). «Сам» и его ось, ость, т.е. самостоятельность, состояние состоятельности тела в оси телесности, это центр и вершина описания-понимания людского образа жи-зни, знатной мас-<обратное «сам»>-терством. Сам мастер. Сам с усам.

В. Даль приводит значения, соответствующие растению и собаке. «Лягавый пес, ишейный, подружейный, вислухая борода, с толстым чутьем, (рылом)». Когда рыск (бедному его тяготы — беда) увенчан победными ножками, ягодками бедер, тогда ведро. «Ляжко-ногий нвг. Слабобедрый, кто ноги волочит» (с. 740).

Овладеть сим сокровищем, разом преобразить беду в победу тягостно, (за)дано данное (наличное) как личное надо уметь, уразуметь, быть битья мастерством. А самости жи-вот имеет свои ноги, от погубели «би-жи», су-против-ни-чают, от-бивается рогами и конечностями. Враг, ворог рогатый, копытно-хвостатый не желает (утекает от лая) быть пытаным РАЗумением до мены в рагу. На битье отбивается, отворотившись рылом, лягается. Ното умелый в РАЗ; жи в об-щем разе образна, ЗНАТНА-ЖИ-ЗНЕ-ОБРАЗНА.

«Лягать, лягивать, лягнуть, или-ся, брыкаться, бить наотмашь задними ногами. // Легать, лягнуть (раз.), бить, колотить кого-либо; // -ся (новг.) качаться, колыхаться, вихляться» (с. 740). Последние могут означать особое качество движений — лягание лежа, точнее, не стоя, как в первом случае, а согнувшись к земле или припав к ней «ляжками». Вихлянье лягами, «походка от бедра» явно эротична. Не исключено, что значимость половых отношений, проблема их урегулирования (космизации) в архаическом обществе наложило отпечаток на язык, связав тесно («отождествив») «качественность» с «качением», с волнением волн-влаги, остроту и пыл коим предавали половые отношения. Брак как ви(жизнь)брация, дрожь драгая братии (братьев-мужей) и (сестер-жен) виждь-вижу-ведаю, вождем ведом чрез жду к чресло-сложению, к ладу ляго-качанию. Дажь братии нашей дождь-влаги жи-созидания, жжений же-ланий удов умиротворение. Властитель блага телес-на-оси не даром прежде всего объединяется, разом дан в образе, есть образ-влаги, опоясан Океаном (-речью рекой). На русском «б» и «в» изрекают раз-лив-но (различно), то, что на других слитно в одном. Благо-влаго(~а).

«Лягаться, употребляется и в значении возможности. Ты впрягать, а она лягать! Не лягаться надолба, да и не везет» (с. 740). Лягать — так лягать до лба! «Лягание — ср. длительное действие по значению глагола [Лыгнуть, Ударить чем-либо. Лыгни его хворостиною. Кур. Опр.]» (с. 740-741). Удар не исключается как дар приведения в привычное состояние, норму естества, в которой «гнуть», «гнет» еще не розны на век от «прямызны», «независимости в себе и для себя»: впряг в гнет, согнутость, даже согбенность, напряга-работы не исключает распрямление в отдыхе, скорее, страстно-контрасно выделяет грядущее удовольствие в нем.

«Лягливы» охочие лягать животное — среди лошадей и особенно коров, рок у них, видно, таков. У иных отмечены «ляги» иначе. «Лягош-ка ж.сар. ляжка, лядвея; иногда икра ножная. [Бежит, лишь лягошки сверкают. Сар. Опр.]» (с. 741).

Только сейчас добрались до героини нашей. Топи! «Лягуха нвг. Лягуша, лягуша прм., ляготка, лягва [ж.] твр. Тмб., лягушка [лѣгуха, лѣгушка ж. Новг. Опр.] скакуха сев., веселуха нвср., жаба юж., квакуша, болотное, земноводное, гад, четвероногое животное, которое ходит прыжками (лягать)» (с. 741) и плавает «брассом», сводя и разводя бедра. В передвижении прыг-скоком прерывность более отчетлива, чем при людском прямохождении, которое при особом умении-усилии и одежде, скрывающей полностью ноги, превращается в плавно-величавое скольжение. У лебедя бело(снежно)го, па-

вушки, плавноплывущей по земле в скромности величавого молчания, в скрытой, сладом темени сладкого томления (взор потуплен, вздох не слышен, лишь румянятся ланиты, таит тайна обещаньем) нет похожего с квакухой-веселухой, все навывкате лягухой. (Общее же — женское — уловит умудренный, ведающий сквозь семь кождежд, за различием *под*-ходов к сретению. Какова Судьба, такова и гульба. Или наоборот? Или «и»?)

«Rana Учоные делят семью эту на четыре рода: лягушка, квакша (древесница), жаба, пипа (или жерлянка. // Лягва, рыба *Lophitos piscatorius*, торской- горт, неуклюжая, плоская, // Лягушка, лягливая лошадь; // долговязый, худой, голенастый» (с. 741), т.е. бедро — неотличимое продолжение голени, коих как бы две — ниже и выше колена? «Лягушка, лягваж, мясо лягушки» (с.741) — дели-катес у некоторых наций, французов например. Кати в гору аппетита, восходи на вершину гурманства, там ждет самых тонких знатоков и ценителей блюд деликатес на блюдечке с золотой каемочкой, съешь до косточек и пальчики облизнешь, хорошо да мало. Или для французов лягваж-гуляш только прелюдия к загулу в иных восторгах? Они советуют же нам — Шерше ля фам. Но вот незадача: для пск. твер. Лягушкой — тощая, испитая женщина. Иль благодушному от еды и вина любое лыко в строку, не бывает, как уверяют, плохих некрасивых женщин... В вине начальна начально не вина, а потеха. «Лягушка, род потешного огня, пускаемого на воду, шутиха» (с. 741).

Народные наблюдения о лягушке таковы: «В своем болоте и лягушка поёт. Допросились лягушки царя (от басни Крылова). Как не дуйся лягушка, а до вола далеко. Лягушке волон не быть, столько воды не пить. Не поймашь скакуху (лягушку) за уши». <Не на слух любит? В сказке сама стрелу подбирает, инициативу заключения брака с лучником (ей неведом?). Или незаметно для него высмотрела пучеглазая самого подходящего ей из всех братий?> «До грозы лягушка не квакает (т.е. до первой грозы). Лягушки квакают к дождю. Лягушки кричат: пора сеять» (с. 741). Далее приметы, связанные с погодой и сельхоз работами. Затем производные от основных значений, из которых выделим несколько показавшихся любопытными и неожиданными. «Лягушачий шёлк, тина, зеленые нити, выволакиваемые неводами. Лягушачья икра, норость (от рости́ться), клёк. Лягушечная трава, см. 2. брылёна. ... Лягушина ж. тмб. Речная раковина» (с. 741).

«2. Ляга [ж.] сев. [ляжка ж. ум. ол. Опр.] непросышная лужа, лыва, бакалдина, колдобина, ямина с водою; омут в реке; сиб. Мочижина с львами, болото, менее топкое, чем сорга, вогра. [«Глубокая яма в реке; омут. Попасть в лягву, попасть в беду, в несчастье. Арх. Опр.»] (с. 741).

Мужчина не может не искать, не попасть в пасть мочижины, болото топкое, но не до утопления, не до беды отправления на тот свет — мочат-мучат-мутят му(ж)чина и мочина друг друга (дружно-супружно) на этом.

«Лягузить, лягузничать кал. елозить, подлипать, лъстить, ластиться, подлещаться. Лягуза об. лягузник [м.], -ница ж. елоза, лъстец, подлипала, поползень, пролаз» (с. 742).

«Ляг см. лежать и ложить.» (с. 742). Попозже заглянем. А тут же находящиеся основные значения слова «ляда» не оставим без внимания.

«1. Ляда ж. С нем. [Lade] юж. Ставень, дверка, лаз в подполье, западня, люк; поперечные затворы в лавочках. [Откинь ляду. Положи на люду товар. Кур. Опр.]» (с. 742).

Хорошо лавочка (дельце): на запад_ дня западня, (искавшем «в поле» снесь днесь, с-ум-евшими её принесь в ла-баз, закрома родины); Лаз в подполье бывший на затворе, мочина, откинь ляду люду — му(ж)чин. Люк-люкс, «жи», лайф, лайф (life) лави лав (love), жи-зни кайф. Ловлас Кай не смертен; любовь то, в чем, если и не бессмертен, то и не смертелен, или смерть твоя на вече красна в-ос(и) по рождения отрасли-поросли людской, длении дел ум-на-жжения-деления её в потом-стве, коему несть числа и конца (прехождения).

«2. Ляда, ляда, лядина ж. запд. сев. [ледина ж. пск. Оп.] лядо ср. вор. кур., лящина впр., пустошь, заросль, покинутая и заросшая лесом земля, запущенные заросли, // чишоба, починок, посека, кулига, валки, пожег, лесной перелог; // лесок по болоту, березнячок с хвойным подсадком, т.е. мешанный; вообще: // низкая, мокрая и плохая почва; вост. ярс. влгд. Мочижина с мелким леском; ляга, болота с яминами, лыва, постоянная лужа, пол_й» (с. 742). Какой пол людства и через какую часть (и делание-действия мощь-мочь) телесности здесь словлен, словами описывается — это довольно явно и ясно без дополнений. Поимано диво девы-жены, женский чин-мочижина в отличие и в с-упружестве с му(ж)чиной. Его попадание в точку, десятку, глаз, яблочко и т.д. есть пре-людия западни, вкушения яблочка эротического, обо-рот-ного дневному рту снеди.

«[/ Лядина, чернозем, сухое место, на котором растет крупный лес. Новг. Опр.]» (с. 742). Тот же образ (оба в раз, раз общий, единение) с иной стороны: ст-раны раненой, уроняемой, равняемой-ровно, из подполья, на-род из себя умножающей, но не избегающей живокровную рану в пристяжке ляг, бедер. «[Ледина, неглубокая яма в поле или в лесу, волог. Лединка ж. болотистое место, окруженное кустарником, пск. ... Скот в лединке ходит, в зарослях]. Мычит, мчит уды в вольстве — мощь удовольствия. Жмет-жуе, смачно пережевы-

вает. Чайание мычания сбилось в куль явства, сбилось в конце тура чавкающее счастье чишобы. Еще бы! Словом, культура: к_у«ля»тур=ура, тут куль! И (с)вязь их тверда, верь сия твердь всегда, как везде сиять (Полярной) з-везде.

Загадки поддаюки отгадке, если всё охвачено, есть веси и вес «гада»-змея ж-желаний людских, в исполнений коих надо и годеть, и ум-еть годным себя явить в добыче «бычьей». Одушевленно все и полно коловращений, преобразимо одно в другое, вся во всяком и всяк пригож всем чудом, чующим вольство «да» удом. Жи в уда-вольствии знатна, ЖИЗНЬ. ЛЮДСТВО. Ю-ДА-ЛЯ (воля удальства, дара удач радость).

В.Даль приводит две загадки. «Сухой Гаврилка вскочил в лядинку, разогнал всю скотинку? (гребень)» (с. 742). Это — частный, осязаемый случай. Чес-ание как очищение зарослей, влас телесности в более широком и возвышенном контексте преобразуется христианством в Благовещение Девы-Богородицы. В «Гаврилиаде» А.С.Пушкина роль вестника Бога меняется на противоположную, сближаясь с традиционно-народными представлениями, погружаясь в «лагир» юж. [нем. Lager?] — гушу или отстой, осадки, «подонки» (с. 741) архаичной культуры. Неисправно усугубляет ситуацию одинаковость отношения архангела и сатаны к Деве. Несмотря на их ожесточенное соперничество, увы, запоздавшее для воина не-бес-ного, осмеяние Невинности превращается из лишь церковного богохульства, свойственного Просвещению, в кошунство, втаптывающее женский род (следоват., и невозможность очищения и возрождения через него всего рода человеческого) в неискоренимый грех, в Страшный суд, обрекающий всех как потомство Евы на вечные адские муки. Хотел ли поэт в своем желании перевольтерить Вольтера «Орлеанской Девственности» такого результата или нет, но, осознав его, отрекся от авторства не только и не столько из-за боязни преследования церковью и светской властью. Вольнолюбие захлестнуло удавкой жизнелюбие в самом корне его — в на-роде, в любви как борьбе со смертью, как отрицающим её тлен и прах вечно юным созиданием. Бес попутал и мучил душу поэта, с признанием государю в авторстве и, главное, искренним покаянием началось обновление жизни: «снова тучи надо мною» — «как быстро в поле, вокруг открытом» (т. III, с. 140) он встретил Натали под Новый год.

«Стоят вилы, на вилах-то бочка, на бочке-то кочка, у кочки махало, на кочке зевало, повыше ламига, а там лядина, в лядине скотина? (человек)» (с. 742).

«Леденеть или лядеть, поростать молодняком, дерном и покрываться порослью. Лядуница ж. твр. Красная смородина» (с. 742). Признаки (зрелости) существ и мест совершения ими определённых деланий тесно у-вязываются друг с другом, неразрывно сплетаются в куль образа жизни, (по)мощь наполнения мощны, ко-шел-я туров, па(-па)-лом-ничеств к ягодкам, красным (красивым), зрелым, сощались счастьем.

Но до простоты логической тверди, неуклонной однозначности, тождественной целеустремлённости к блаженству Покоя, далеко, вернее, она несоизмерима с образ-на-остью, вне и поту ее стихийного мира, за-предельна хаокосмосу.

«3. Ляда от. Лентяй, ленивец, лежебок, тунаядец, бесполезный человек. От ляд м. В значении тунаяд, лядаший ледаший, юж. зап. пск. твр. [ледаший ряз., ледоший костр. Оп.], плохой, дрянной, хилый, тощий, [сухощавый, худой, малосильный]; распутный, негодный, и // ляд, все негодное и недоброе, дух пакостей, нечистый чорт. Ну её к ляду, собаку эту, она зря мечется на человека! // Тяжкая и безобразная болезнь, проказа и пр. Ледаха, ледаха об. Негодный человек. Ледачая фалья сама по себе ф(хв)алит, вор» (с. 742).

Ну, как не похвалиться? Кто еще похвалит тебя, уникального, кроме себя же «любимого»? Разве лишь душа широкая и высокая да платоновая (выше безмерно всякой платы) заметит, что в любом нет худа без добра.

Что хорошего в лентяе, лежебоке, тунаядце, отлынивающем на теплой печи от забот повседневных? Чаёт так явственно, что реальнее окружающего воображаемое, мечтает втуне (неуместно-невовремя) о ядстве сладком — о трапезе, пиршестве непреходящем на весь честной мир. Из рога изобилия без малейшего битья на возлежащих ли-ются благ потоки щедрые, неоскудимые: вздох-новление, вдох-новление... все без передышки выдоха. Словом, «царстуй лежа на боку». (Сей дурацкий поклев на тяжкие труды царские (танталовы муки — тьфу!) послужил камнем преткновение в запрещении. «Золотого Петушка», меткие цензоры забили птицу, возвещающую об опасности стране.

А лягушке-то что от дураков запечных и петухов зори — встречаемых? Поза. Был по(ход)«за», теперь поза, выражающая его итоги, фиксирующая завершение деланий дневных, снесь добывающих. Поза, соединяющая ляжку, бедро с Землей-кормилицей, поворотной отлична от позы «гона»: переступания ступней нижних конечностей при вертикальном (максимально «над») положении тулова-головы ради свободы делания дланами верхней конечностей. Гон ног-поза над-

ложения, а возле (огня совместное) воз-лежание-поза по-ложения (и на-ложения). Последняя(-ие) есть исток и исход (удачный-брачный) гона ног в «за» (в зоне «на», в охотничьем за-гоне-и-за-битии врага, туда ему и дорога, т.е. В удо-влетворение удов наших, охочих). Воз-лежание, вкушение-возлияние у-дач «на» из «за» есть увенчание *над* положения *положением* яд-ств внутрь и приготовление, с-наряжение наипростейшего упорядочивания, сочетания многих и разных в четность вз-рост-а рода, супружеского паравания «м» и «ж». Это деление оборачивается умножением, произведением себе подобных, отраслями по-колений. Таков слу-чай чающий, чарующий луч наилучшего в происходящем тако и сяко. Зорок и меток будь лучник, ж-же-ланий до-вольства до-будь еще и еще удачный стрелок.

При таком проникновении в случ_й лежание с ложкой и лягание-качание с лягой на ложе брачном не есть Ложь безусловная, не супротивно она напрочь Истине, как представляется это рассудку, выставящему свою исконную дихотомию за универсальную, всеобщую. В общем роде, в об-Разе имания-полонения врага, положение его туши в жи-вот, т.е. на-пол-нения полых утроб, оборо-чивающееся совокуплением полов и есть истовая истина ложности, то полой, то полной, то в позе «над», то в позе «по» *за* «на» волнительно текущей. Об-раз «жи» охочих(с)ловцов существенно ущербен, рассудочно заужен до плоского тождества без Лож (ложки и ложа), то бишь совмещение в жолобе, явленном в неоткрытости, обоих пол-ов-в-ин. Лоб (и боль) Об-раз-за. Заразная на раз! В блеклой ясности абстракций рассудка Об-раз (вернее, образ_) утрачивает с-упругность, усыхает в ущербности, безумен, дряхл и дрябл мышцами, с впадом ртом и с Эротом пожухлым в опале холодной, смертной без соития со своею сокровенной половиной в целость слияния. Рассудок перво-наперво отвлекается от общения ре-ального полов, отрешается от ис-полнения ими себя в единое целое ради дления рода. В позах «м» и «ж», обращающихся в непосредственном поддержании и воспроизводстве таковых же, им же сообразных, пребывает волнующий(ся) сказ=образ. В ином речении словленным словом «м»-и-«ф».

Миф — образ=сказ о man'e, о его пути-блужданиях среди иного (уход «из»-своего в «за»-иного), в по-исках, за-исках имания того, что сложено будет в общий Раз, станет ключом преобразования тайного в НЕМ (ОБРАЗе) в явь проникновения, в кульминацию единения жи-утверждения новым в-торением. В черед активного ожидания блуда-блуда, в борениях с врагом на смерть световодителем (феноменом) Людину чается, явлена ведущей его метой фемина. Миф — муж, man в блужданиях, чающий пир в избе сборной, увенчанный

свадебным сводом, браком-супружеством с не-вестой. Миф — из=вестию о невесте, путь к красоте которой лежит через имание дара в «за». До-рога до во-рога рогатого (брадатого), по-бедная схватка с ним и воз-в-рат рат-ника (победителя) в «из»с«ба!» Красна из-ба дарами драгими дорог дальних, пиром честным да невестами ненаглядными, ладными. Да не минует феномен сей Людина. М(ы) уж в чине победителя врага (рого-при-носцы) — муж-чины. Полное качество «жи»сего чина — его половая половина. О какая ж-жен-чина! Мука неистребимая и для Паниковского. Man _ woman. Раз-умен, добывая women, одолением врага: через «за» в чресла «ла».

Жена — она же на-града радостного града, высшая отрада, у-венчание всех начал триумфальным концом... без конца — буду еще и еще раз буду. Будущее царственно и вечно буд-но, величаво — Дуб-но. «У луко-морья дуб зеленый» вечно, сильный знатной «жи», а рассудок сух и чахнет в бессмертии над тождеством недвижимым, сверхпростым. Муж вьется вокруг жены, т-ужится, узорами змеится, все шире, глубже и выше охватывает иное (крылатый, огненный, водный, подземный и т.д.), ибо обладание сокровенным нутра обусловлено словом дара в ином (на неведомых дорожках следы невиданно-нежданных рогачей). И дело мужа правое, рогатый будет убит и принесен в град на общее, вечное обозрение, а жертвенное поедание туши его, наполнение живот-а всеми откроет брадытым и усатым путь налево. Жи маячит справа налево, где, в сон провалившись, утра-чиваешь пре-жде справленное и оказываешься в поре-пора направо, утра-ты по-править. Эти приключения правых и левых врат-в их обращающемся-превращающемся Об(щем) Разе-и есть исконный сказ Людина, «жи»-знатной в единении «м» и «f». Ми-фа-кратия. Превращение живых существ в особый вид — людство.

Мифологос и тем более мифологика (втайне-логикомафия, моно-централистический логизм), обычно покругенные в смесь слова «мифология», — это и развитие, и отклонение, и вырождение исконной власти твердого сопряжения, андро-гон-ген-ности «м» и «f». Ми в раже истовом желании лож истины истолковывается как блажь, бражный мираж, вымысел сугубо отрицательный, бабушкины <Яги> сказки. Себялюбивые просветители не вчера завелись и не завтра остановятся.

Недаром сказ о жи Ка, сказка, ка-жит, что и как ка-менем скровенное делать, чтобы до слития во внутренне тайном, днесь скрытом, добратся. Lithos — камень, твердь его высекает искры, наносит черты и рези и губит, чтобы было, что пригубить, влагой живой излиться. Не злиться, а умерев, родиться вновь, умиротвориться. Вновь лиется — бьется любовь: лю-лю-люб-б-лю-ю. У-каз сказа кончат-

ся-венчается пиром и свадьбой — т.е. началом счастливой, долгой, мирной жизни. Столь же условно начало, зачин сказа: «жили-были...» изрекает вечное-вечером вечно. Мотай на ус, отращивай в образе, мощь братия, заплетай косу длинную, пока не нашла она длинный камень, пока не пришла пора паре порадоваться властью.

Мифика холит «власть» в образе жи. Плаголет: «Влазь в лаз! — Он влашат, влаг; ужась, страсть. — Тверд будь, уж сдюж, муж. Там жи лась, сласть, ради рождения, исцеленья от жжения стоит пропасть». В-ла-сть — соединение половых половин в повинность людскую, в создание образа андрогинности, цели-целости «м» и «f», в которой об-раз новится, раз-ви-вается в буду-еще-еще...

Жи-ви (победная) Ка(меня) речется-реет знам_нами [не «ё»] слова ворога рогатого, знатна уловками (механикой, ору-диями) и мастерством (тэхнэ, артистизмом) в борьбе с ним насмерть жи-вот-а. В по-беде, имании туши, рогов, копыт и т.д. помогает Мать Сыра Земля, кладезь сыря для орудий, оружия, ора ратоборцев. Дороги по-бед сводятся в место сбора, вместе — *слож*ения добытого из-бора «вся». Возвращение в ранее покинутое замыкает мыканье-блуждание проходом через врата, под свод своего обода желаний, в свободу лада. А там? Там, под аркой подарок драгой — ОНА, ус-лада.

Сказ о Ка — триумф слова, слово о слове и слава. Аз: (из)-за в иск врага, борьба, бах-трах, по-беда, слом и слов «ба», носитель блага до пристанища лож, до жолоба влаги. Яз-зы-Ка власть.

Полна благ изба, в праздник ми-ражные, бражные, жар — ку-раж желаний дланями своими в лесную «лань», в экзотические дары преобразившие. С поклоном «блюдо» охаживаем, ж-ждем приветно-ответного «на»: ж-жена, лада вот-вот пожалует, пожалеет, милого помилует. Коса расплетется, камень изольется: чудо-нови, волшебство зачина нескончаемого.

Миф — сказ, указ властный на крепкое, твердое проникновение-единение (оба-в-раз) половин: гон-ген м и ж => андро-гин. Охота, до-быча ради преумножения своих-Мыобразных.

Затем ОН и ОНА (в раже сияющего слияния порождения) объявляются миражом, вытесняются ОНО, отвлеченным от полов обобщением среднего рода, которое возносится в неподвижный и неизменный покой наипростейшего чистого блаженства самого по себе, тождества у себя. О, О-ум, ОНОе! ОН еще может быть наземным отблеском по-стороннего (бесполого) совершенства, если Она, ее смертельная прелесть не собьет его с пути причащения к праведному, Святому. Миф мучается Логосом, таящим Логизм, и являет Веру.

От составителя: Далее В.Перевалов планирует раздел о Лучнике. Отдельные фрагменты, написанные для этой части, приводятся ниже, с тем, чтобы читатель имел представление о направлении последующего движения автора.

ЛУК: *Война, охота, радуга.*

Как атрибут божеств и аллегорических фигур, лук во многом сохраняет значение *стрелы*. Лук как атрибут характерен для богов-охотников, солнечных богов и богов любви, таких как кельтский Кернуннос, греческий Аполлон, Эрот, Геракл, Артемида. Последнее сделано лук также символом луны. Как основное оружие североамериканских индейцев, лук стал атрибутом персонифицированной Америки как одной из четырех частей света.

В Древнем Египте образ 9 луков является символом «народов, подчиненных царю». Верхнеегипетская⁵ богиня Нехбет в связи с этим имела прозвище «та, которая связала луки», т.е. объединила племена под властью фараона.

Триумф фараона над врагами выражается на фресках в том, что фараон потирает ногами все те же 9 луков. Лук является характерным атрибутом богини войны Нейт.

Однако издавна лук был прежде всего символом войны и охоты, а в Европе — еще и мирской власти. В геральдике лук свидетельствовал, как правило, о восточном или же о военном происхождении гербовладельца, хотя более точное значение зависело от сопутствующей атрибутики лука: наличия колчана и числа стрел в нем, наличие и положение тетивы. Так, лук со стрелой на тетиве обозначает готовность к бою; лук без тетивы символизирует разоружение; сломанный лук с уцелевшей тетивой встречался только во вдовьих гербах, часто с девизом: «Я осталась одна!», служа символом смерти супруга. Разогнутый же лук считался как следующая фраза: «Чтобы сохранить свою силу, я должен иногда ослаблять тетиву», означавшая, что ум иногда должен отдыхать, как и тело; ум же, не прекращающийся тяжело трудиться, как постоянно натянутый лук, скоро станет никуда не годен» (с. 321–322). Не поэтому ли идеальным условием непрерывного процесса, абсолютной сохранности, инерции как тождества полного движения и покоя, предполагается пустота, абсолютный вакуум, небытие = ничто? Идея как идеальность за-предельна миру сему, даже если он сам по себе бесконечен.

«Лягушка. Воскресение после смерти». Первое символическое значение лягушки появилось в Древнем Египте: благодаря своей плодovitости и поразительным метаморфозом от яйца к головастику и

далее к грациозному существу, отдаленно напоминающему человека, она символизировала возникающую и постоянно обновляющуюся жизнь. Богиню Хекет народные поверья рисовали именно лягушкой.

В Древнем Китае лягушка именовалась «твен-чи» («небесная курица») и соотносилась с Луной; кроме того, считалось, что одна из двух душ человека по форме представляет собой лягушку. Многие императоры и поэты Китая «снижали себе великую славу тем, что запрещали преследовать лягушек, устраивающих свои беспокойные хоры».

В христианской символике образ лягушки, как и в Египте, стал образом повторного рождения, воскресения после смерти. Антитезой лягушки является жаба, так же как оса в символике противопоставлена пчеле. Одна из казней египетских принимает вид нашествия жаб (с. 324–325).

В отличие от народной культуры христианство проводит строгое, непоколебимо иерархически выстроенное различие между всегда положительным, избранным и отрицательным, отвергаемым, греховно- смертным. Это «обобщение» не абстрактно-формальное, а опытное, синкретично включающее практический здравый смысл, мифическое «вдруг, сразу и навсегда» и рассудочное понимание идеала как совершенства простоты и чистоты, потустороннего миру сему и противопоставленному ему своей недосигаемо/стью Снизу, вне благодати, изливающейся, нисходящей Сверху. По-верх-на-ост(ь) нерушима в религиозном соотношении посю- и поту- стороннего, вдруг чудесно нисходящего и милосердно Спасующего падшее.

Примечания

- ¹ «Например, “гимель” — третья буква еврейского алфавита — означает “верблюд” и ее знак является условным изображением верблюда.» (*Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск, 1999. С. 27.) Уже нет явного, соответствующего «весу» реальных качеств соотношения между предметом и знаком? Буква означает не человека с его мимикой, жестами и т.д., а «немой» неподвижный знак, черты и резина воспринимающем навек лоне.
- ² По мнению С.Серебряного, “Hiram of Tyre” текста оригинала следует переводить не «Хирам Тыра», а «Хирам [царь] Тира».
- ³ *Рассел Б.* Указ. соч. С. 26–27. (В оригинале третий абзац отрывка предшествует двум первым.)
- ⁴ Славянская мифология: Энцикл. словарь. М., 1995. С. 250. Далее в скобках указаны страницы этого издания.
- ⁵ *Турскова Т.* Новый справочник символов и знаков. М., 2003. С. 321. Далее в скобках указаны страницы этого издания.